

ИСТОРИЯ КАК ЖИЗНЕННОЕ ЦЕЛОЕ:
А.А. ГРИГОРЬЕВ И Н.Н. СТРАХОВ
В ПОИСКАХ ОРГАНИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ**

В статье выявляются эпистемологические отличия органического понимания истории в истории русской мысли – его основ, которые с наибольшей ясностью были разработаны А.А. Григорьевым и Н.Н. Страховым. Особое внимание авторы обращают на условия возможности органического исторического понимания как целостного жизненного действия («исторического чувства») – своего рода герменевтического акта, в котором соотносятся, вступают в диалогическое взаимодействие различные смыслы исторического познания. В цели исследования, результаты которого предлагаются в данной статье, не входило систематическое выявление опыта преобразования григорьевского наследия Н.Н. Страховым, как, впрочем, и оценка последствий этого преобразования; авторы уточняют общие для Григорьева и Страхова смыслы органического понимания истории, их связь и преемственность.

Ключевые слова: история, историческое понимание, органическая критика, историческое воззрение, историческое чувство, жизнь, прогресс, правда.

History as a living entity: Apollon A. Grigoriev and Nikolai N. Strakhov in search of organic conception of history. PAVEL A. OLKHOV, ELENA N. MOTOVNIKOVA (Belgorod National Research University)

The article reveals the epistemological features of organic conception of history developed by Apollon A. Grigoriev and Nikolai N. Strakhov in the history of Russian thought. The authors pay special attention to the conditions that make possible the organic historical understanding as a holistic life action (“historical sense”), as a kind of hermeneutic act, in which the various meanings of historical knowledge come into dialogic interaction. The authors clarify meanings of organic conception of history common to Grigoriev and Strakhov, their relationship and continuity.

Keywords: history, historical understanding, organic criticism, historical views, historical sense, progress, truth.

Верить в историю – значит верить в вечную и неперемennую правду.

Аполлон Григорьев [5, с. 31]

XIX столетие – весьма интенсивное время в истории исторического знания. Попытки

установить его символические границы всегда наталкиваются на необходимость выбора оснований. Вести ли речь о Кантовом критическом импульсе, решающем для формирования научно-методологических направлений и школ исторических исследований? Избрать ли в качестве

* ОЛЬХОВ Павел Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета

E-mail: pavel.olkhov@yandex.ru

МОТОВНИКОВА Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: molena64@yandex.ru

© Ольхов П.А., Мотовникова Е.Н., 2015

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 14-03-00068.

ключевого условия антропологическую, парадоксальную метафизику исторических идей И.Г. Гердера? Трактовать ли, исходным образом, феноменологию духовного опыта Гегеля или предположения об историчном самоотжестве этого опыта, предложенные Шеллингом? Как принять во внимание коммуникативные установки и броский, ироничный стиль «мудрого письма» (*sage style*) Т. Карлейля? Концептуальное многообразие века, «гордого своей исторической критикой» (В.П. Бузескул), беспрецедентно. В этом многообразии особое место занимают инициативы русских мыслителей, в том числе и те, внимание к которым, в силу известных причин, на долгое время было утрачено или подчинено неаутентичным интерпретационным моделям. Среди наиболее утраченных или деформированных – концепции сторонников так называемой «органической критики», рационального и целостного исторического понимания. Первые и наиболее последовательные в этом отношении – А.А. Григорьев (1822–1864) и ближайший к нему его «всепонимающий философ» Н.Н. Страхов (1828–1896). Они, по существу, стояли у истоков русской герменевтической эпистемологии истории. Без тщательного исследования их познавательных инициатив нельзя с удовлетворительной полнотой представить полемику-диалогические условия исторических исканий Л.Н. Толстого или Б.Н. Чичерина, К.Н. Леонтьева или В.С. Соловьева, Н.Я. Данилевского, В.В. Розанова, Ю.Н. Говорухи-Отрока, Ф.Э. Шперка, П.А. Флоренского, М.М. Бахтина и др. В ненаивные, скептические десятилетия XIX в. попытки органического понимания истории в России были проявлением своего рода здравого смысла [15; 16; 12], противостояли метатеоретической мифологизации – философски партийному, идеологизирующему объяснению исторических процессов и «наваждению скептицизма» (С.Л. Франк) в области теории исторического знания.

Опыт органического понимания истории распределен в разных сочинениях и эпистолярном наследии А.А. Григорьева и Н.Н. Стрехова и не представлен в доктринально обособленном виде. Возобновление этого подхода – дело времени и, как представляется, дополняющих друг друга исследовательских усилий по уточнению условий его возможности и его собственных исторических перспектив [см., напр.: 2; 7; 9; 8; 10; 12; 16; 17; 19]. Однако и теперь возможно уточнить некоторые эпистемологические контуры искателей органического понимания истории.

«Историческое воззрение» и «историческое чувство»

Аполлон Александрович Григорьев, как показано в последнее время исследователями и комментаторами его творчества, был одним из самых глубоких русских шеллингианцев [24, с. 445-446, 449-460], усвоившим и весьма продуктивно использовавшим в собственном творчестве философские и поэтические органические идеи и язык Шеллинга – «исходную громадную руду» органической критики [6, с. 164]. По складу своего мышления Григорьев не был эпигоном Шеллинга или кого бы то ни было еще: широко образованный и весьма деятельный, он «чувствовал себя полноправным наследником и продолжателем европейской культурной традиции». Его «бесспорная связь с Шеллингом и Карлейлем была свободной», связью единомышленников [8, с. 50].

Григорьевское экзистенциальное свободолобие вполне выразилось в его отношении к гегельянскому философско-историческому монизму, хорошо принявшемуся на русской почве и ставшему философской базой исторической (нигилистической, революционно-демократической – по-разному называемой в зависимости от степени симпатии) литературной критики, в форме которой происходила в середине XIX века основная интеллектуальная жизнь России. В 1857–1864 гг. Григорьев выступил в разных журналах с рядом статей, в которых постарался разъяснить все пункты согласия и расхождений с оппонировавшими направлениями эстетической (у Григорьева «художественной») и исторической критики (у Григорьева – «исторического воззрения»). Понимая литературу и искусство как целостные, живые, взаимосвязанные проявления всей полноты и сложности жизни, Ап. Григорьев категорически отвергал идею исторической «теории» как некой заданной мысли, мерки, которую якобы можно измерить и оценить жизнь. Историческое же воззрение возмущало его особенно своими «деспотическими», безнравственными выводами.

Применение к пониманию человеческой жизни чисто логической формы мысли породило «безотраднейшее из созерцаний, в котором всякая минута мировой жизни является переходной формой к другой, переходной же форме; бездонная пропасть, в которую стремглав летит мысль, без малейшей надежды за что-либо ухватиться, в чем-либо найти точку опоры» [5, с. 23]. Логико-теоретические «исторические воззрения», стремящиеся к автономии, приносят в жертву «отвлеченному духу человечества», не существующему в действительности, живые настоящие ин-

тересы, цели, чувства людей, племен и народов. «Вот существенный порок исторического воззрения, и вот существенный же порок так называемой исторической критики. <...> Когда идеал лежит в душе человеческой, тогда он не требует никакой ломки фактов: он ко всем равно приложим и все равно судит. Но когда идеал поставлен произвольно, тогда он гнет факты под свой уровень. Сегодняшнему кумиру приносится в жертву все вчерашнее, тем более все третьегодневное, и все представляется только ступенями к нему» [5, с. 24-25]. Неоднократно в разных работах возвращаясь к этому произволу, Ап. Григорьев показывает абсурдность применения теории исторического прогресса к оценке великих исторических личностей, невозможность выстраивания гениев человечества в историческую иерархию, где каждый «новый» художник якобы должен быть выше, лучше «старого», т.е. современные поэты по этой логике прогресса превосходят Гомера, Данте и Шекспира, которые между собой тоже выстраиваются какими-то необходимыми «ступенями развития», «в силу чего Гоголю становится монумент на обломках статуи Пушкина» [5, с. 25].

Правота исторического воззрения вся заключается только в том, что оно «есть одна из попыток определить, узаконить, формулировать ... новую силу» – «историческое чувство. Это чувство еще не вызрело до полного, всеохватывающего принципа и само не может успокоиться на принципе, произвольно поставленном; оно есть непосредственное, целому веку данное и в даровитейших представителях развитое до тонкости, но еще не формулированное» [5, с. 25]. Историческое чувство является новым по сравнению с временами «допотопного», не различающего себя и других, неразвитого духа народов, не встречавшихся в своей исторической жизни с необходимостью понять и выразить свое природно-историческое и национально-культурное своеобразие, соотнести себя с внешними влияниями, разобраться в особенных народных формах проявления единого общечеловеческого идеала нравственности.

Историческое чувство не виновно в той ложной форме, которая его выражает на данный момент развития, оно «справедливо, как указатель новых сторон жизни» [5, с. 26]. Эта новая сторона жизни есть национальная жизнь, «народный организм», который «сам в себе замкнут, сам по себе необходим, сам по себе имеет полномочие жить по законам, ему свойственным, а не обязан служить переходною формою для другого; единство же между этими организмами, единство неизменное, никакому развитию не подлежащее, от

начала одинаковое, есть правда души человеческой» [5, с. 27-28]. В то время как народные организмы взаимодействуют, объединяются в миры и эпохи, живут исторической жизнью (которая и подвластна историческому чувству), правда души может только осознаваться более или менее ясно, выражаться в совершенных, мощных или слабых, тусклых творениях искусства народного или авторского – но у этой правды нет никакой истории переходных форм, она не бывает древней или новой, юной или зрелой, она просто есть всегда, сколько есть человек. «Для того чтобы вера была *живою* верою, нужно верить в непреложность, непрременность, единство того, во что веришь. Даже и *сегодня* нельзя верить в то, что, по собственному нашему познанию, окончит бытие свое завтра, то есть верить как в нечто непреложное. Само историческое *чувство* восстает против формулы вечного развития, в которую втеснило его историческое *воззрение*» [5, с. 41-42]¹.

А.А. Григорьев не просто формулирует, «Что же оно такое, это историческое чувство?», но показывает, «каким откровением», каким «колумбовым яйцом» стала для века Просвещения очевидная, казалось бы, истина о том, «что жизнь есть нечто органическое и что все явления ее связаны между собою», истина, основанная на историческом чувстве – «чувстве органической связи между явлениями жизни, чувстве цельности и единства жизни» [5, с. 37]. Это чувство должно было разбить и разбило изоцированную рациональную формулу «всечеловеческого образования и всечеловеческого эстетического чувства» [5, с. 39], данную «чисто аналитическим взглядом» [5, с. 38] в блестящий век так называемого классицизма («ходульного» по слову Григорьева), перед которой всё иное, самобытное, национальное выглядело дикостью, обскурантизмом и невежеством. Григорьев намечает пунктиром большие и малые события и их деятелей, расшатавших и подорвавших полное господство «формулы» – Летуэрнера, Фонвизина, Клопштока, Лессинга и др., давших отпор «мумиям» «прикосновением мысли к живому телу» [5, с. 38-40]. Великий вклад в дело «разъедания формулы» внесло «живое историческое чувство Гердера», не потерявшее воспитательного значения, после которого начинаются уже исто-

¹ Неслучайно Ап. Григорьев посвящает Н.Н. Стрехову, своему молодому другу-философу, полемическую статью против автономии этических и эстетических идеалов, против социально-исторического нравственного релятивизма в искусстве, об обязательности народных нравственных начал для всякой национальной литературы [см.: 4].

рические действия во Франции, «всеобщая ломка истории» и за нею недолгий всплеск романтизма, успевший, однако, «утвердить, узаконить чувство органической любви, связующей прошлое с настоящим, умершее с живым» [5, с. 40-41]. «Глубокую и пламенную веру в историю дало на первый раз историческое чувство. Эта вера, но только чисто как вера, а никаким образом не формула, и есть его первое, законное определение. В правильном приеме исторической критики заключается только *вера в то, что жизнь есть органическое единство*» [5, с. 41].

Такое понимание исторической жизни Ап. Григорьев считал гораздо более естественным, простым и понятным, чем воззрение теоретическое, «головное», навязанное философскими авторитетами. И мысль Григорьева была не одинока: вместе с ним и вслед за ним единую линию общечеловеческой истории и историческую телеологию в России отрицали Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев. Для всех них мыслить единую историческую логику означало мыслить неисторично, попадать в неправду теоретизма (см. [21, с. 110])². В эту ошибку впадали даже такие выдающиеся критические таланты, вовсе не лишённые исторического чувства, но временно поддавшиеся обаянию законченности «гегелизма», как «поздний» В.Г. Белинский и Н.А. Добролюбов. «Добролюбов умер рано. Он был человек очень даровитый и очевидно способный к далекому развитию. Его последняя статья указывает на какое-то колебание, на какой-то поворот в убеждениях. <...> Если бы он остался жив, мы многое бы от него услышали» [23]. За три года до этих слов практически то же написал Григорьев о Белинском: «Если бы Белинский прожил до нашего времени, он и теперь стоял бы во главе критического сознания, по той простой причине, что сохранил бы возвышенное свойство своей природы: неспособность закоснеть в теории против правды искусства и жизни...» [3, с. 52-53].

Наоборот, никогда не доверял ничьим теориям (пока сам не придумал свою) великий правдолюбец и носитель тонкого исторического чувства Л.Н. Толстой, к которому от Ап. Григорьева «тянется одна и довольно прочная нить». «Лев Толстой, по его любимому выражению, постигал истину *«всем существом»*; в его глазах это была

высшая аргументация» [21, с. 112]. «”Я”, говорит Толстой, “не держусь религии прогресса, а, кроме веры, ничто не доказывает необходимость прогресса”. Различными аргументами Толстой старается поколебать эту веру в прогресс и “неизменные исторические законы”. Для него первостепенную важность представляет другое – “вечное начало”, выражающееся в явлениях. “Я не вижу никакой необходимости отыскивать общие законы в истории, не говоря уже о невозможности этого. Общий вечный закон написан в *душе* [курсив П.Н. Сакулина] каждого человека”» [21, с. 111; ср.: 18, с. 73–75, 78].

Литературно-историческая критика и вера в историю

Если Л.Н. Толстой, последовательный скептик, не испытывал нужды верить в прогресс и всеобщие законы истории [17], то Ап. Григорьев и Н.Н. Страхов отличались особого рода метафизической сдержанностью: у «пульса истории» есть свой неслучайный и не хаотичный ритм, которым нельзя управлять, но в который можно вслушиваться и угадывать его повторения, замечать жизненные органические циклы, т.е. *возможно не теоретическое историческое познание*. Истинное познание не может двигаться от теории к жизни – наоборот, оно идет от живого чувства, восприятия, интуиции, через осознание и прояснение этих интуиций в категориях разума – к творческому выражению понятого, в единстве стихийного и сознательного, – если есть художественный талант или естественное развитие своего понимания, – органическое саморазвитие, историчное самосовершенствование. Но требуется непременно «органично сочетать основные элементы познавательного акта: дискурсивное мышление и различные виды непосредственного сознания (интуиция, вера, чувство и т. д.)» [11, с. 349]. История как жизненный процесс известна каждому внимательному мыслящему индивидууму на собственном опыте *исторического чувства*: «Тот на себе испытал историю, кто видел, как на его глазах важное и громкое забывалось и исчезало. По мере течения времени наш взгляд на предметы изменяется, бледнеют имена знаменитостей, тогда как иные из прошлых деятелей как будто растут все больше и больше, и не только не помрачаются новыми, а скорее выигрывают от сравнения. Вот действие истории!» [22, с. 1018].

Н.Н. Страхов подхватил и развил мысль А.А. Григорьева о том, что все значительные русские писатели переживают периоды увлечения и борьбы с «чужими» влияниями, но, если они дей-

² Один из исследователей и продолжателей традиции органицизма в филологии, П.Н. Сакулин (1868-1930) в 1920-е гг. работал над синтетической концепцией литературных стилей, основанной на органическом тезисе «каждая эпоха народной жизни имеет свой стиль культуры, свое культурное лицо» (См.: [14; 20])

ствительно национальные художники, непременно возвращаются к «корням», к народной «почве». «Понимание взаимосвязанности литературных явлений “настоящих с прошлым”, восприимчивость к теории эволюционного развития национальной художественной культуры в целом, понимание живого значения “преданий”, то есть традиций, стремление добраться до их истоков – таковы положительные черты историко-литературной концепции “почвенников”» [7, с. 469]. Известно, что такой подход к творчеству Л.Н. Толстого позволил Н.Н. Страхову далеко опередить современников в понимании историчных смыслов его творчества, дать самые убедительные, непревзойденные интерпретации всех отдельных произведений (самых разных форм и жанров) и целостной картины художественной деятельности великого русского писателя. В оценке «Войны и мира» «Страхов принадлежал к тем немногочисленным критикам, которые настаивали на том, что великое творение Толстого – результат длительного развития русской литературы на путях реализма и народности, причем результат органический» [7, с. 470].

Верность принципам григорьевской органической критики Н.Н. Страхов продемонстрировал и в работе над «Заметками о Пушкине и других поэтах» (1888), относительно которой и современные Страхову, и сегодняшние критики признают ее методологическую и содержательную значимость и плодотворность (см. [7, с. 472; 18]). Продолжил Страхов и григорьевскую критику увлеченности современных ему писателей и поэтов школы «исторического воззрения» понижающими сатирическими и ироническими формами. «Писателям-сатирикам противопоставляются Островский и Толстой, создающие действительно живые лица, которым мы сочувствуем и негодуем, то есть «мы ставим себя на один уровень с ними, признаем интерес и важность их духовной жизни...». «Перед нами парафраза давней григорьевской мысли об Островском, в свое время оспоренной Добролюбовым и Чернышевским. Она осложнена ссылками на Льва Толстого, чей опыт должен был в системе доказательств Страхова служить подтверждением идеи о неизбежности возвращения русской литературы от критики действительности к утверждению положительных начал, к тому “прямому приему искусства”, который был утрачен после Пушкина» [7, с. 475].

Вера в историю возможна благодаря конкретному и живому знанию о *рождении* и долгой жизни в веках подлинных «перлов создания» истории мировой культуры. Идеальное, в отличие от теоретических схем, не есть нечто, от жизни отвлеченное.

«Как скоро знание вызреет до жизненной полноты, оно стремится принять литые художественные формы: есть возможность художественной красоты даже в логическом развитии отвлеченной мысли, когда в самой мысли есть начало плоти и крови. Не указываю на творения, завещанные нам древностью. Поэтическая, страстная и тревожная или величаяя, спокойная и мерная струя бежит по многим страницам, не говорю уже поэта Карлейля и великих художников Тьерри и Маколея, но по абстрактной феноменологии Гегеля, но по строго логическому, почти неисследимому в своем отвлеченном развитии изложению Шеллинга» [5, с. 19].

Разумеется, конкретную историческую веру вызывает не только, а иногда не столько само произведение, но его создатель, личность, воплощающая в себе и исключительный индивидуальный дар, и талант народный, национальный, органически слитый с индивидуальным. Неслучайно Ап. Григорьев подчеркивает распространение биографических истолкований смысла произведений из области словесного творчества на критику пластическую и музыкальную. «Художник прежде всего человек, то есть существо из плоти и крови, потомок таких или других предков, сын известной эпохи, известной страны, известной местности страны, конечно, наиболее даровитый из всех других своих собратий, наиболее чуткий и отзывчивый на кровь, на местность, на историю, – одним словом, он принадлежит к известному типу и сам есть полнейшее или одно из полнейших выражений типа; да, кроме того, у него есть своя, личная натура и своя личная жизнь; есть, наконец, сила, ему данная, или, лучше сказать, сам он есть великая зиждительная сила, действующая по высшему закону» [5, с. 20; ср.: 13].

Историческая критика как истинная критика, базирующаяся не на теоретическом (а значит, заведомо частичном, ограниченном) воззрении, а на историческом *чувстве* и *вере* в жизненную историю мастера и его произведения – это жизненная задача критика и его долг перед обществом, народом и перед самим собой как органическим элементом своей национальной культуры. «Вопросы жизни, ее тайные стремления, ее явные болезни – близки впечатлительной организации критика, так же как творящей организации художника. Выразить свое созерцание в полном и цельном художественном создании он не в силах; но, обладая в высшей степени отрицательным сознанием идеала, он чувствует (не только знает, но и чувствует, что гораздо важнее), где что не так, где есть фальшь в отношении к миру души или

к жизненному вопросу, где не досоздалось или где испорчено ложью воссоздание живого отношения» [5, с. 21]. Таков именно был замеченный А.А. Григорьевым особенный критический талант Н.Н. Страхова, который часто повторял, что у него мало творчества, но много любви и силы понимания. Несмотря на многочисленные события политической, военной, гражданской, экономической сторон истории России, выпавшие на жизнь Н.Н. Страхова, от участия в которых он отнюдь не уклонялся, главным содержанием его жизни и его личной истории были, конечно, научные «черновики» и аккуратная, изящная, тонкая критика – «разъяснение и толкование мысли, распространение света и тепла, таящихся в прекрасном создании». «...Связывая художественное произведение с почвою, на которой оно родилось, рассматривая положительное или отрицательное отношение художника к жизни, критика углубляется в самый жизненный вопрос, ибо иначе что же ей делать?» [5, с. 21].

* * *

Всестороннее исследование основ и консолидация практик органического понимания истории – дело будущего. Очерчивая эпистемологические контуры этого понимания, уже теперь можно заметить, что его органичность не должна истолковываться в некоем понижающем смысле; это органичность экзистенциального порядка – посылно рационального понимания жизненного единства истории, ее открытой смысловой событийности, несводимой к обособленным или самодовлеющим идеям, критико-методологическим или метафизическим схемам. Придерживаясь принципа метафизической воздержанности, своего рода герменевтического *εποχή* (ср.: [1]), А.А. Григорьев и особенно последовательно Н.Н. Страхов развивают его в нескольких эпистемологических средах – подвергая переработке «руды» Шеллинга, в связи с категориальным мышлением Аристотеля, логикой Гегеля, «чистейшего мистика» [18, с. 357–358], и ключевой для Страхова трансцендентальной эстетикой Канта. Органицизм в таком понимании есть его «эпистемологический стиль» (Б.И. Пружинин), когнитивно-стилистический лейтмотив или определенное познавательное настроение, а отнюдь не онтологическая или, тем более, «объективная» характеристика исторического понимания. Границы в органическом понимании истории пролегают, как, вероятно, мог бы сказать М.М. Бахтин, не между понимающим и понимаемым (его «объектом» и субъектом»), а в каждом из них – размечаются в самой энтелехии исторического понимания – в

его конкретно-событийном, открытом смысловом единстве. А.А. Григорьев и Н.Н. Страхов показали это, обращаясь к истории литературной критики, сгущенного понимания истории как правдивого повествования о смысле, без которых, впрочем, невозможна никакая история.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврюшин Н.К. За кулисами философской драмы: метафизика и историософия Н.Н. Страхова [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/3693498.html>
2. Гольцев В.А. Н.Н. Страхов как художественный критик // Вопросы философии и психологии. 1896. Кн. 3 (33). С. 431–440.
3. Григорьев А.А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Григорьев А.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Статьи. Письма. / Сост. с науч. подгот. текста и коммент. Б. Егорова. М.: Художественная литература, 1990. С. 48–124.
4. Григорьев А.А. Искусство и нравственность. Новые Grübeleinen по поводу старого вопроса (Н.Н. Страхову) // Григорьев А.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Статьи. Письма. / Сост. с науч. подгот. текста и коммент. Б. Егорова. М.: Художественная литература, 1990. С. 246–260.
5. Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Григорьев А.А. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Статьи. Письма. / Сост. с науч. подгот. текста и коммент. Б. Егорова. М.: Художественная литература, 1990. С. 7–47.
6. Григорьев А.А. Парадоксы органической критики // Григорьев А.А. Эстетика и критика / Вступ. статья, сост. и примеч. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 134–168.
7. Гуральник У.А. Ап. Григорьев и Н.Н. Страхов // Академические школы в русском литературоведении. М.: Наука, 1975. С. 456–477.
8. Журавлева А.И. Аполлон Григорьев // Русская драма и литературный процесс: к 75-летию А.И. Журавлевой. М.: Совпадение, 2013. С. 42–60.
9. Журавлева А.И. «Органическая критика» Аполлона Григорьева // Григорьев А.А. Эстетика и критика / Вступ. статья, сост. и примеч. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 7–47.
10. Зельдович М.Г. Поэтика годовых обзоров Аполлона Григорьева (1991) // Творческое поведение. О феномене литературной критики, логике ее развития в русской культуре середины 19 века и общих принципах подобных штудий. Проблемно-систематизированные фрагменты избранных работ автора. Часть 2. Харьков: Права людини, 2010. С. 546–556.

11. Ильин Н.П. Трагедия русской философии. М.: Айрис-пресс, 2008.
12. Кривушина В.Ф. О генезисе понятия «тип» в «органической критике» Аполлона Григорьева: Григорьев и И.В. Гёте // Credo New: электронный журнал. 2006. № 2 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/544/31/>
13. Леонтьев К.Н. Несколько воспоминаний о покойном Ап. Григорьеве (письмо к Ник. Ник. Страхову) // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем. Т. 6. Ч. 1. СПб., 2003. С. 7–26.
14. Минералов Ю. Концепция литературоведческого синтеза // Сайт поэта Юрия Минералова [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://mineralov.narod.ru/sakul.htm>
15. Ольхов П.А. Здравый смысл и история: (заметки к полемической эпитафии Н.Н. Страхова «Вздых на гробе Карамзина») // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 125–132.
16. Ольхов П.А. Историзм Льва Толстого в интерпретации Аполлона Григорьева и Николая Страхова // Культурология. 2011. № 1. С. 218–233.
17. Ольхов П.А. История как искусство: «Война и мир» Л.Н. Толстого в истолковании Н.Н. Страхова // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2010. № 4. С. 181–192.
18. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894 / Толстовский музей. Том II. С предисл. и примеч. Б.Л. Модзалевского. СПб.: Изд. Об-ва Толст. музея, 1914.
19. Раков В.П. Аполлон Григорьев – литературный критик. Иваново: Изд-во Ив. гос. ун-та, 1980.
20. Раков В.П. Новая «Органическая» поэтика (Литературные теории В.Ф. Переверзева, В.М. Фриче и П.Н. Сакулина). Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2002.
21. Сакулин П.Н. Историко-литературные беседы. «Органическое» мировосприятие // Вестник Европы. 1915. № 6. С. 95–112.
22. Страхов Н.Н. Главная задача истории // Исторический вестник. 1901. № 3. С. 1012–1020.
23. Страхов Н.Н. Н.А. Добролюбов. По поводу первого тома его сочинений // Время. 1862. № 3 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_0290oldorfo.shtml
24. Философия Шеллинга в России XIX века / Под общ. ред. В.Ф. Пустарнакова. СПб.: Изд-во РХГИ, 1998.
- Strakhov's metaphysics and historiosophy]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/3693498.html> (in Russ.)
2. Gol'tsev, V.A., 1896. N. N. Strakhov kak hudozhestvenniy kritik [Nikolai Strakhov as an art critic], *Voprosi filosofii i psihologii*, Vol. 3(33), pp. 431–440. (in Russ.)
3. Grigoriev, A.A., 1990. *Vzglyad na russkuyu literaturu so smerti Pushkina* [A look at Russian literature from Pushkin's death]. In: Grigoriev, A.A., 1990. *Sochineniya. V 2-h t. Vol. 2. Statii. Pisma*. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, pp. 48–124. (in Russ.)
4. Grigoriev, A.A., 1990. *Iskusstvo i нравственность* [Art and morality]. In: Grigoriev, A.A., 1990. *Sochineniya. V 2-h t. Vol. 2. Statii. Pisma*. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, pp. 246–260. (in Russ.)
5. Grigoriev, A.A., 1990. *Kriticheskiy vzglyad na osnovi, znachenie i priemi sovremennoy kritiki iskusstva* [A critical look at the basics, the importance and techniques of contemporary art criticism]. In: Grigoriev, A.A., 1990. *Sochineniya. V 2-h t. Vol. 2. Statii. Pisma*. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, pp. 7–47. (in Russ.)
6. Grigoriev, A.A., 1980. *Paradoksi organicheskoy kritiki* [Paradoxes of organic criticism]. In: Grigoriev, A.A., 1980. *Estetika i kritika*. Moskva: Iskusstvo, pp. 134–168. (in Russ.)
7. Gural'nik, U.A., 1975. *Ap. Grigoriev i N.N. Strahov* [Apollon Grigoriev and Nikolai Strakhov]. In: *Akademicheskie shkoli v russkom literaturovedenii*. Moskva: Nauka, pp. 456–477. (in Russ.)
8. Zhuravleva, A.I., 2013. *Apollon Grigoriev [Apollon Grigoriev]*. In: *Russkaya drama i literaturniy protsess: k 75-letiyu A.I. Zhuravlevoy*. Moskva: Sovpadenie, pp. 42–60. (in Russ.)
9. Zhuravleva, A.I., 1980. «Organicheskaya kritika» Apollona Grigorieva [Apollon Grigoriev's «Organic criticism»], In: Grigoriev, A.A., 1980. *Estetika i kritika*. Moskva: Iskusstvo, pp. 7–47. (in Russ.)
10. Zel'dovich, M.G., 2010. *Poetika godovih obzorov Apollona Grigorieva* [Poetics of annual reviews of Apollon Grigoriev]. In: *Tvorcheskoe povedenie. Part 2*. Kharkov: Prava ludini, pp. 546–556. (in Russ.)
11. Ilyin, N.P., 2008. *Tragediya russkoy filosofii* [The tragedy of Russian philosophy]. Moskva: Ayrispress. (in Russ.)
12. Krivushina, V.F., 2006. *O genezise ponyatiya "tip" v "organicheskoy kritike" Apollona Grigorieva: Grigoriev i I.V. Gete* [On the genesis of the concept of «type» in the «organic criticism» of Apollon Grigoriev: Grigoriev and I.W. Goethe]. URL: <http://credonew.ru/content/view/544/31/> (in Russ.)

REFERENCES

1. Gavryushin, N.K., 2013. *Za kulisami filosofskoy dramy: metafizika i istoriosofiya N.N. Strakhova* [Behind the scenes of philosophical drama: N.

13. Leontiev, K.N., 2003. Neskolko vospominaniy o pokoinom Ap. Grigorieve (pismo k Nik. Nik. Strahovu) [A few memories of the deceased Ap. Grigoriev (letter to Nick. Nick. Strakhov)]. In: Polnoye sobaniye sochineniy i pisem, Vol. 6, part 1. Sankt-Peterburg, pp. 7–26. (in Russ.)
14. Mineralov, Yu., 2002. Kontsepsiya literaturovedcheskogo sinteza [The concept of synthesis of literary criticism]. URL: <http://mineralov.narod.ru/sakul.htm> (in Russ.)
15. Olkhov, P.A., 2009. Zdraviy smisl i istoriya: (zametki k polemicheskoy epitafii N.N. Strakhova «Vzdokh na grobe Karamzina») [Common sense and history (notes to N.N. Strakhov's polemical epitaph «Sigh on the Karamzin's coffin»)], Voprosi filosofii, no. 5, pp. 125–132. (in Russ.)
16. Olkhov, P.A., 2011. Istorizm Lva Tolstogo v interpretatsii Apollona Grigorieva i Nikolaya Strakhova [Leo Tolstoy's historicism in the interpretation of Apollon Grigoriev and Nikolai Strakhov], Kulturologiya, no. 1, pp. 218–233. (in Russ.)
17. Olkhov, P.A., 2010. Istoriya kak iskusstvo: «Voyna i mir» L.N. Tolstogo v istolkovanii N.N. Strakhova [History as Art: Leo Tolstoy's «War and Peace» in interpretation of Nikolai Strakhov], Dom Burganova. Prostranstvo kul'turi, no. 4, pp. 181–192. (in Russ.)
18. Modzalevsky, B.L. ed., 1914. Perepiska L.N. Tolstogo s N.N. Strakhovim. 1870–1894. [Correspondence of L.N. Tolstoy and N.N. Strakhov. 1870–1894.]. Sankt-Peterburg: Izd. Ob-va Tolst. muzeya. (in Russ.)
19. Rakov, V.P., 1980. Apollon Grigoriev – literaturniy kritik [Apollon Grigoriev – the literary critic]. Ivanovo: Izd-vo Iv. gos. un-ta. (in Russ.)
20. Rakov, V.P., 2002. Novaya “Organicheskaya” poetika (Literaturnie teorii V.F. Pereverzeva, V.M. Friche i P.N. Sakulina) [The new ‘organic’ poetics (literary theory of V.F. Pereverzev, V.M. Fritsche and P.N. Sakulin)]. Ivanovo: Izd-vo “Ivanovskiy Gosudarstvenniy Universitet”. (in Russ.)
21. Sakulin P.N., 1915. Istoriko-literaturnie besedy. “«Organicheskoe» mirovospriyatie” [Historical and literary conversation. “«Organic» worldview»], Vestnik Evropi, no. 6, pp. 95–112. (in Russ.)
22. Strakhov, N.N., 1901. Glavnaya zadacha istorii [The main task of history], Istoricheskiy vestnik, no. 3, pp. 1012–1020. (in Russ.)
23. Strakhov, N.N., 1862. N.A. Dobrolyubov. Po povodu pervogo toma ego sochineniy [N.A. Dobrolyubov. To the first volume of his writings], Vremya, no. 3. URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_0290oldorfo.shtml (in Russ.)
24. Pustarnakov, V.F. ed., 1998. Filosofiya Shellinga v Rossii XIX veka [Schelling's philosophy in the XIXth century Russia]. Sankt-Peterburg: Izd-vo RHGI. (in Russ.)